

Б. ВЫШЕСЛАВЦЕВ

Иисус Неизвестный

Главное достоинство книги Мережковского в абсолютной оригинальности его метода: это не «литература» (литература о Христе — невыносима), не догматическое богословие (никому, кроме богословов, не понятное); это и не религиозно-философское рассуждение — нет, это интуитивное постижение скрытого смысла, разгадывание таинственного «Символа» веры, чтение метафизического шифра, разгадывание евангельских притч, каковыми в конце концов являются все слова и деяния Христа. «Имея уши да слышит» — так оканчивает Христос свои поучения. Это обращение к *духовному слуху*, который слышит потустороннее в посюстороннем слове. Автор обладает этим духовным слухом и показывает читателю: слушай! разве ты этого не слышишь? Правда, у него не «абсолютный слух», есть как будто и ошибки, не все абсолютно убедительно, но он заставляет вслушиваться, иногда даже заслушиваться, постоянно чувствуя потустороннее звучание. Очень редко читатель отклоняет и не приемлет, очень редко автор съезжает на беллетристику и выдумывает. В этой книге он совершенно перерос свою собственную литературу и редко возвращается к своим приемам и шаблонам. Порою он достигает настоящего величия, когда остается верен своему методу.

Вся книга есть, в сущности, медитация над евангельским текстом: что звучит в этом слове? Что сокрыто в этой грандиозной Притче истории? Притчи, по слову автора, — это астрономические параболы, уходящие в бесконечность. Жизнь Христа не рассказывается, она и не может быть иначе рассказана, нежели это сделано в Евангелиях. Но сопоставляются тексты, апокрифы и аграфы, и предания отцов — они даются и показываются так оригинально, так по-новому, что ощущаешь удивление заново, как бы впервые читаешь знакомые слова, иное слышишь за ними, многому изумляешься. Изумляет, конечно, само Евангелие; но

автор умеет показать, что изумительно. Здесь лежит для нас критерий ценности. Начало истинной философии и мистики есть изумление. Потеря изумления есть основное горе ума: неспособность выйти из себя, «из ума», из привычного, известного, установленного, из *позитивизма*. Существует позитивизм церковный, позитивизм богословский, как и позитивизм безбожный, натуралистический. Тому и другому наш автор сознательно противостоит. Он преодолевает их способностью изумления, потусторонним слухом, чувством парадоксальности и неслыханности того, что возвещает Евангелие.

Трудно дать почувствовать «неслыханность» тех слов, которые нам прожужжали уши, и чем громче и чаще возглашает диакон, тем труднее услышать. «Горе наше в том, что за две тысячи лет мы так привыкли к словам Его... что оглохли, ослепли к ним окончательно... Но если б мы могли чуть-чуть отвыкнуть от них... то мы удивились бы, ужаснулись, поняли бы вдруг, что это самые невозможные для нас... самые нечеловеческие из всех человеческих слов». «Снять с Евангелия пыль веков — привычку; сделать его новым, как будто вчера написанным», расковать «церковное Евангелие, закованное в пурпур, золото и драгоценные камни» — вот метод и задача книги, и автор здесь многого достигает. Розанов как-то сказал: несчастье христианства в том, что оно стало риторическим. И можно добавить, что самая убийственная риторика — это проповедь общеизвестных догм или моральных истин любви к ближнему. *Das ganz Andere, Mysterium tremendum* * (Рудольф Отто) — всегда присутствует у Мережковского. В этом смысле определяющим является его замечательное заглавие: «Иисус Неизвестный». Это значит Иисус, которого мир не познал, *не узнал*, не понял, не оценил, не разгадал. Весь метод книги, метод интуитивного разгадывания чудесного, метод изумления — могли бы мы сказать — определяется этим заглавием. Оно направлено против всех тех, кто думает: нам-то Он хорошо известен, против тех, кто взял ключ разума — догматического, исторического, критического.

Мережковский совсем не философ и не богослов и, главное, не хочет этим быть, хотя он и образован, и начитан философски и богословски. Он не хочет быть и «литератором» в этой книге. Кем же он хочет быть? Да просто учеником Христа, и притом любимым учеником, которому доверены особые тайны. Надо признать, *что это право каждого христианина*. В нем нет никакого чрезмерного притязания, наоборот, оно соответствует обещанию Хри-

* Совсем иное, ужасная тайна (нем.).

ста: «И явлюсь ему Сам». Возможность и ценность глубоко личной интуиции любви у того, кто всю жизнь всматривался в Лик Христа, никто не дерзнет отрицать, она подкрепляется словами Оригена: разным людям являет себя Иисус по-разному — каждому является в том образе, какого достоин каждый. Христом допущена и указана молитва уединенно-личная и, с другой стороны, соборно-литургическая — точно так же допустимо постижение тайны Богочеловека посредством личной интуиции и посредством соборной мысли и чувства. Но в своей личной интуиции Мережковский никогда не остается изолированным, самодостаточным, напротив, он привлекает богатый материал других прозрений, ему близких и родственных. Этот материал, нужно признаться, собран и сопоставлен замечательно. Внимание читателя приковано и зачаровано.

Философы и богословы не должны обольщаться: никогда они не получают того доступа к сердцам, который открывается на этом пути. Они всегда, в сущности, понятны (в лучшем случае!) только философам и богословам. Мережковский же обращается ко всем, кто обладает духовным слухом, кто может изумляться таинственному, кто способен переживать трагизм. По нашему времени и это не такая большая аудитория! Но вот что замечательно: философ и богослов, если только он не «книжник и фарисей», найдет для себя в этой книге много ценного. Правдивость и подлинность некоторых интуиций, идущих из сокровенной глубины сердца, не может не поражать. Вот самый яркий пример. Нужно дать постигнуть и пережить смысл главного и центрального символа христианства, символа Царства Божия. Как это делает автор? Он показывает «первые точки Царства Божия, которые теплятся уже и сейчас, как первые звезды в ночи», эти точки видимы иногда в жизни, как отблески рая, как исполнение надежд: «радость вечного свидания любящих», возвращение потерянного рая, потерянной родины, избавление от постыдной тирании человекообразных — «вот, уже всем людям понятное, простейшее начало Царства Божия». Три замечательных страницы (II. 104-III) в ряде образов сразу дают почувствовать, о чем идет речь: тема Царства Божия сразу воспринимается «музыкальным слухом сердца». Мы, философы, выражаем это по-своему, примерно так: христианство есть *религия абсолютно желанного*; Царство Божие есть исполнение всех исконных, «заветных», существенных, абсолютных желаний человека. Дав адекватные образы, очевидные «точки» абсолютно желанного, автор показал звезды царствия во мраке ночи. (По странному закону творчества, каждое подлинное достижение сразу изобличает все не-

подлинное; так и здесь, стихотворение на стр. 111 сразу снижает предыдущее: после слов Апокалипсиса, сентиментальные «одуванчики» недопустимы).

Очень хорошо истолкование чудес: чудо экстаза, превращающее воду в вино; чудо любви и духа, насыщающее пятью хлебами (обратное чудо дьявола — умаление хлебов! это чудо ненависти и материализма); чудо воскресения, чудо восстания против смерти, дающее прорыв в иной мир. Интересна мысль понять чудеса так, чтобы они не превращались в утилитарную магию, чтобы они не были похожи на то чудо, которое было отвергнуто как искушение от дьявола. Ценно указание на то, что Христос бежал от чудес и переживал муку чудес. Мы могли бы истолковать ее как отрицание корыстного пользования чудотворцем.

Заслуживает быть отмеченным прекрасное научно ориентированное и для всех убедительное опровержение всяческих сомнений в исторической реальности Христа. Очень хороши образы апостолов, особенно Петра и Иуды. Верна характеристика Евангелия от Иоанна («полуистория — полумистерия»). Невозможно передать всю муку интересных цитат (напр., парадокс Вельгаузена: «Иисус не был христианином, он был Иудеем») и удачных образов (напр., «чувствуют, что пахнет от Него миром нездешним, как морозом от человека, вошедшего снаружи»). Слабее истолкование «искушения в пустыне», после Достоевского оно ничего не дает. И уже совершенно неприемлем для нашего слуха сочиненный автором «Апокриф об Искушении»: это чистой «литература», и притом такая, которая не может стоять рядом с Достоевским и его «дописывать». Своим импрессионально-романтическим стилем она совершенно выпадает из общего строгого библейского стиля книги. Мы не приписываем себе «абсолютного слуха», но для того, чтобы слышать фальшь, как известно, и не надо обладать абсолютным слухом. Автор сам виноват в том, что дал нам образцы подлинной гармонии, и мы ими проверяем как камертоном.

Недостаточной кажется нам и медитация о «богооставленности», но это уже относится к тайне голгофской трагедии и составляет тему следующего тома. Автору предстоит еще великая задача достойного завершения своего труда. Кого Христос позвал, тот должен дерзать и идти до конца. Пожелаем ему преуспеть, все, им доселе достигнутое, и это нелегко сделать.

